

КОЛОДОВСКАЯ
РУКЪ

Елизавета
Дворецкая

ПОСЛЕДНИЙ
ВЗГЛЯД
МАРЕНЬ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Разработка серийного оформления и иллюстрация
на переплете *Алексея Дурасова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Последний взгляд Марены / Елизавета Дворецкая. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 512 с. — (Колдовская
Русь).

ISBN 978-5-699-94354-8

Середина IX века, земля кривичей. Покидая земной мир весной, богиня Марена-Зима бросила последний взгляд с погребального костра на шестнадцатилетнюю Младину из Залом-городка. И что-то в девушке изменилось: она обрела способность говорить с русалками, видеть умерших, белая волчица стала выходить к ней из леса, чтобы помочь в трудный час. Иная сущность в ней набирала силу и наконец вытеснила из человеческого мира в лес — в избушку волхвы Угляны, которая, как говорят, и есть ее настоящая мать. Все дальше заходит Младина по тропам незримых, отыскивая парня, который снится ей и почему-то убежден, что они были обручены много лет назад...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94354-8

© Дворецкая Е., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Земля кривичей, 852 год

Часть первая КРОВЬ ДЕРЕВЬЕВ

Зима подходила к концу — одна из бесконечной цепочки зим, очередной выдох Лада Всемирья. Марена одряхла, устала, у нее больше не было сил волочить по земле свое старое промерзшее тело. Костлявая, морщинистая, осыпанная длинными, совершенно седыми слипшимися волосами, с провалившимся ртом и погасшими глазами, она уже ничем не напоминала ту стройную красавицу, что прилетела в земной мир на черных лебедях четыре новолуния назад. Теперь она хотела только покоя, мирного сна, который незаметно перейдет в смерть... и новое рождение.

Ее власть над земным миром рушилась — везде таял снег, в воздухе носился запах мокрой земли. Перед умирающей старухой лежала темная дорога вниз — во владения Велеса, ее супруга и повелителя, где ей предстояло прожить всю светлую половину года. Но прежде чем смириться, как смирялась она всегда, подчиняясь установленному ходу годового колеса, прежде чем отдаться той силе, что влекла ее вниз, старая Марена устремляла взгляд вверх, выискивая того, кому вскоре предстояло проснуться.

Она сама стелила ему зимнюю постель из темной шерсти снеговых облаков. Она сидела возле него, могучего красавца, напевая колыбельную песнь, любова-

лась его лицом с закрытыми глазами, но даже не смела прикоснуться ледяными пальцами к высокому крепкому лбу, к золотисто-рыжей бороде, огненно-светлым бровям. Его широкая грудь мерно вздымалась, от сонного дыхания колебались зимние тучи. Редкие взрывы могоучего храпа разносились над землей раскатами грома, заставляя род человеческий дивиться отголоскам грозы посреди зимы. Тогда молодая Марена нежно улыбалась, радуясь его жизненной силе. А он даже не знал, что она сидит рядом, и не ее видел во сне небесный воин...

Неслись над землей метели, сыпал снег, трещали морозы. День ото дня Марена старела, растрачивая свою силу на очищение мира от всего отжившего. Бессилие клонило ее вниз, ровно колос к земле, и она опускалась, напрасно протягивая к Перуну слабеющие руки и больше не в силах до него дотянуться. И вот теперь ей пришла пора уйти, а ему — проснуться. Именно сейчас, когда он наконец откроет свои светлые очи и озарит небосклон первой вспышкой небесного пламени, ей придется уйти во тьму. Не на нее падет его первый взор, еще сонный, но уже полный жизни и предвкушения всех ее радостей. Радостей, которые ей не дано разделить...

Все более мощно лилось золотое сияние сквозь трещины в темной туче; огненный шар, одевающий спящего Перуна, жег глаза Марены, она не могла смотреть, закрывала морщинистое лицо дрожащей ладонью, не то стремясь уберечь себя, не то пытаясь скрыть от Перуна свое старческое безобразие. Черная тропа затягивала ее, и старуха поневоле скользила вниз, как на салазках с горы — на тех самых, на которых перевозит каждого умершего во владения Кошца. В безнадежном усилии цепляясь за мокрую землю, которую растаявший снег сделал жидкой и не способной послужить опорой, ста-

рая Марена оглянулась в последний раз, будто желая оставить на земле хоть что-то от себя. Она знала лишь один способ остаться наверху и дожидаться того сладкого мига, когда *он* проснется...

* * *

— Ну, девки, пляшите!

Путим, средний сын старейшины Леженя, с мокрой от снега шапкой в руке вошел из сеней и весело оглядел женщин в избе. Их было много, он не сразу разглядел, где же находятся девки, к которым он обращался, и еще раз повторил: «Пляшите, ну!», точно ждал, что они и впрямь, бросив все дела, немедленно пустятся в пляс между столом и печью.

Все дружно обернулись: и его старшие дочери, Младина с Веснойрой, сидевшие у жернова, и младшие — Травушка с Капелицей, перебиравшие горох, и Бебренница, жена Путима, и даже Муравица, старшая Леженева сноха, зашедшая к Путимовичам по каким-то бабым делам.

— Видел я на реке Вологу, так он сказал, что Леденичи решили осенью женить парней, — продолжал Путим, проходя вперед. — Нашли место под новый пал хорошее, старую вырубку весной жгут, значит, осенью с хлебом будут, и на будущий год тоже. Потому и решили свадьбы играть на Макошину Неделю. Так что прощайся, мать, с девками, на Коляду уж не будет их у нас тут!

— Да верно ли? — переспросила Бебренница, в то время как девушки-невесты затаили дыхание.

— Волога чурами клянется, что сам Красинег ему сказал. Так что, девки, по осени приедут к нам охотники: не по лисицу, не по куницу, а по красную девицу!

— О! — Поверив наконец своему счастью, Веснойра и Младина разом вскочили и запрыгали возле жернова.

Две младшие сестры скакали заодно с ними, восторженно вопя. Травушке и Капелице было только одиннадцать и тринадцать лет, им сватов предстояло дожидаться еще долго, но спровадить замуж старших сестер всегда приятно: знаешь, что больше никто на дороге не стоит и теперь твой черед. В избе поднялся гвалт, наперебой говорили что-то Бебреница и Муравица, бабка высунулась из-за печи, высвободив из-под платка морщинистое ухо в надежде, что это поможет ей расслышать, о чем речь.

Издавна между жившими на реке Сеже родами существовал порядок, кто откуда берет невест, чтобы не жениться между родней, но и не связываться невесть с кем. В этом поколении Заломичи давали невест Леденичам, и это считалось большим событием: два исконных рода заново скрепляли уже не раз связавшее их родство. Но в последние два года Леденичи не женили подросших парней: старые поля давали плохой урожай, и старики не хотели увеличивать число едоков в роду. Второй год вели разговоры о вырубке новой жарыни, которая обеспечит хлебом на несколько лет вперед, но не могли выбрать подходящего участка. Поблизости от дома свободной земли почти не оставалось, а уходить дальше — жильё переносить, отделять кого-то из сыновей — там еще не считали нужным. Но вот прошедшим летом отцы выбрали новый участок, в удалении от жилья, но хороший, ровный, поросший вереском, что обещало богатый урожай. В месяц червень, когда листва распускается на полную силу, его вырубали, теперь, в травень, когда все как следует просохнет после таяния снегов, сожгут, и к осени каждое зерно, брошенное в теплую золу, принесет шестьдесят, а то и восемьдесят зерен! А это обещало невестам Заломичей долгожданные свадьбы. Вес-

нояра дожидалась своей доли целый лишний год, а Домашка, старшая внучка покойного Яробуда, и все два.

Постепенно радостные вопли стихли, девушки и женщины вновь принялись за дела, но теперь им трудно было спокойно усидеть на месте: глаза блестели, руки дрожали. Новая жизнь казалась так близка, что хотелось вскочить и бежать. Младина, сыпавшая зерно в верхнее отверстие каменного жернова, едва не засеяла пол. А этого делать не следовало: весной хлеб от старого урожая заканчивался, через месяц и Заломичи собирались поджигать новую жарынь, а до нового урожая приходилось жить впроголодь. Сейчас уже к остаткам муки добавляли растертый «змеиный корень», белокрылку, пекли лепешки из тертых желудей. Бебреница тем временем толкла в ступке сушеные ягоды толокнянки — их тоже добавляют в хлеб, когда муки не хватает.

— Ну, как тут у вас дела? — Путим сбросил кожух, от которого в духоте избы сразу пошел приятный, свежий и прохладный дух.

— Все, последнее жито выгребла. — Бебреница кивнула на жернов, где Веснояра крутила деревянную ручку, вставленную в отверстие верхнего круга. — Последний хлеб печем.

— Стало быть, по родне пойдём? — Путим улыбнулся. — И то хорошо! Я Ожиновых или Ракитиных с самого новогодья не видал! Но сперва к Хотиловичам.

Веснояра и Младина переглянулись.

— И мы с тобой! — в один голос воскликнули они. — И мы сестер с новогодья не видали!

— А не боитесь, что волки по дороге съедят? — усмехнулся отец.

— С тобой, батюшка, не боимся! Пусть они тебя боятся!

Девушки не зря гордились: их отец, средний сын Лежени, уродился самым рослым и могучим мужиком в семье; до женитьбы он несколько лет оставался бесшумным вожаком молодежной «волчьей стаи» и после того еще долго славился как лучший боец на всей Сеже и окрест. В нем словно заново родился Залом Старый, основатель рода, о котором рассказывали предания.

Свой род сежанские славяне вели от древнего прародителя Крива-Велеса. Прямым потомком Крива и верховным жрецом племени считался смолянский князь, которому сежане платили дань и таким образом причисляли себя к большому, иначе старшему племени кривичей. Старики говорили, что Залом — не первоначальное имя пращура, а прозвище, возникшее, когда он «заломал» местного голядского князька в рукопашном поединке. Ибо издавна всеми землями вокруг владело племя голяди, а люди славянского языка стали проникать сюда в последние лет двести — где миром, а где и как получится. Лет десять назад Заломичи на старом валу заново построили стены из продольно уложенных бревен взамен обветшавших, еще голядской постройки, и сейчас жили в самом большом и прочном городке на всей Сеже. Голядь же заложила святилище Овсенева гора; там они поклонялись своему богу Овсеню — волхвы говорили, это не то Ярила, не то Дажьбог.

У сежанских кривичей поддерживался старинный обычай — хлеб, выпеченный из последнего зерна прошлого урожая, полагалось разделить со всей родней. А поскольку хлеб кончался, как правило, у всех одновременно, то с разницей в несколько дней все сежане и касняне начинали ходить из веси в весь с караваями из муки вперемешку с растертой белокрылкой, толкнянкой или желудями. Зато заворачивали эти караваи в самые красивые вышитые полотенца. Из последнего

зерна с толокнянкой, собранного со всех заломичских хозяек, Бебреница и Муравица испекли восемь хлебов — по числу родов, находившихся с Заломичами не далее седьмой степени родства. Снарядили посланцев в разные стороны: туда, откуда Заломичи брали жен для сыновей, отдавая взамен своих дочерей. Самому Леженю, да и Радоте не под силу было пускаться в дальний путь, и Путим, как старший после них, сам отправился к наиболее близкой родне — Хотиловичам.

Самая близкая родня жила, однако, далеко — целый день приходилось ехать, пользуясь остатками санного пути, сперва по Сеже, потом по ручьям и оврагам через лес.

— К Угляне завернете? — спросила, провожая их, Бебреница.

— Чего по лесу кружить в такую пору, пусть Младинка отнесет.

— В прошлый год ты сам к ней ездил, не обиделась бы...

— В прошлый год санный путь об эту пору еще держался. — Путим покачал головой. — Засядем у нее в лесу, до лета не выберемся!

— Тебе видней, — согласилась жена и взглянула на Младину.

Время от времени каждый из родов волости относил что-то из припасов волхвите, не имевшей своего хозяйства: их полагалось оставлять в известном месте, под дубом. Младина лучше всех знала туда дорогу, потому что еще давным-давно, когда ей только исполнилось семь, бабка Лебедица выбрала ее в качестве бессменной посланницы.

Повесть о том, почему Хотиловичи, потомки прежнего старейшины Заломичей, оказались так далеко от исконного родового поселения, а Угляна, Хотилина

младшая вдова, поселилась совсем отдельно в лесу, ходила на чудесный сказ. Лет двадцать назад Хотила, иначе Хотислав Гостимилович, по заслугам пользовался всеобщим уважением. Уже имея взрослых сыновей, он взял вторую, молодую жену, из рода Глуховичей. Девка была рослая, красивая, за густые угольно-черные брови в роду мужа ее прозвали Углянкой. В первый же год она родила сына, и все шло хорошо, да приглянулась молодуха тогдашнему волхвиту по имени Паморок. И однажды ночью Хотилина молодуха, обращенная в черную кошку, против своей воли сбежала из дома и от мужа, оставив на лежанке даже исподнюю рубаху, и никто не знал, куда она делась, что с ней стало. Лишь через несколько лет молодой князь смолянский Зимобор, с полудьем обходивший земли, сумел разгадать загадку и вернуть Углянке человеческий облик. А Паморока на глазах у людей увели под лед водяные девы¹.

Углянка вернулась к мужу, но прежнее счастье в семью не воротилось. Слишком долго она пробыла под властью чар, чтобы снова стать обычной бабой. Весной она ясно видела русалок, а осенью и зимой — мертвых, приходивших к обрядовому угощению. Люди стали ее сторониться, опасаться, и не раз Хотиле намекали, что лучше бы ему не держать в доме испорченную бабу. Но Хотила не пожелал расстаться с любимой женой, которая и без того пострадала без вины. Род Заломичей к тому времени так размножился, что ни места на старом голядском городище, ни хлеба на всех не хватало, и Хотила решил отселиться. Уступив главенство над родом младшему брату Леженю, он ушел с четырьмя взрослыми сыновьями и одним маленьким, сыном Углянки. Обосновались они довольно далеко и жили поначалу неплохо — кругом бы-

---

¹ Об этом в романе «Лесная невеста. Проклятье Дивины».

ло много свободного леса, и Хотилевичи ходили «в зерне по шею», как о них с завистью рассказывали.

Но еще через несколько лет, когда умер сам Хотила, Углянка совсем утратила разум: стала заговариваться, кричать, драться с кем-то невидимым... Не спала ночами, сидя до зари у окошка и будто ожидая кого-то. И следила глазами за кем-то в избе, видимым ей одной. Пасынки, опасаясь за собственных детей, выпроводили ее вон: отвезли в пустовавшую избу волхвита Паморока и оставили там жить, лишь доставляли припасы. В избе среди леса ей как-то удалось обуздать мучивших ее духов — а может, помог кто, — и теперь это была знающая волхвита, умевшая изгонять болезни, заклинять нужную для земледельца погоду, договариваться с малыми полевыми, лесными и водяными хозяевами. А главное, способная проводить дух умершего, чтобы обеспечить в нужный срок его возвращение в род новорожденным младенцем. Зимой парни-«волки» делились с ней добычей, летом она собирала редкие травы, которые не всякая хозяйка знает. Осенью ее приглашали оберегать свадьбы от невидимого зла, и она являлась — в волчьей шкуре и с большой лохматой метлой наперевес. Углянка оставалась довольно странной, как почти все волхвы, но теперь, в удалении от жилья, люди не боялись, что ее странности повредят прочим и духи, которых она притягивает к себе, заденут других.

* * *

Когда Путим с двумя дочерьми и племянником Ярком добрались до Хотилевичей, уже начало темнеть.

— Здравствуйте, люди добрые! — весело начал Путим, входя в избу Суровца, старшего сына покойного Хотилы. — Пришли мы к вам не с пустыми руками, а с подарками! Прими, хозяйка, последний каравай — где нам хлеб, там и вам хлеб!

При их появлении все в избе вскочили, младший внук Звенец бросился за родичами, что жили в своих избах.

— Ох, и у вас последний каравай! — запричитала Вербница, Суровцева большуха, по очереди обнимая гостей. — Ох, холодные какие — замерзли небось! Раздавайтесь, к столу давайте, я уж накрываю! Я и сама вчера еще Приберихе говорила — этот хлеб доедим, а с новым по родне пойдем — и у нас ведь в яме пусто!

Явились Путислав и Гостирад Суровичи с женами, жены принесли своих младенцев. Все уселись за стол, маленьких детей посадили на колени, подростшие мальчишки и девки встали за спинами отцов. Хотиловичей сейчас насчитывалось двадцать семь голов обоего пола и всякого возраста.

— Где нам хлеб, там и вам хлеб! — приговаривал Суровец, разламывая каравай по числу сидящих за столом. — А где хлеб, там и боги!

Каждому досталось только по маленькому кусочку от принесенного каравая, но даже это веселило: вот как нас много! Стоял оживленный шум, родичи расспрашивали о новостях, делились своими.

Не было за столом только подрастающих сыновей: от двенадцати лет и до женитьбы парни сежанских кривичей, как и многих других племен, проводили зиму «в волках». От Ярилы Осеннего до Ярилы Молодого они жили в лесу охотой и рыбалкой, добывали меха, которые потом, весной и летом, сбывались проезжающим торговым гостям. Кроме этого, обычай на зиму избавлял роды от необходимости содержать молодую и вечно голодную ораву. Где-то в глуши стояли несколько землянок, в которых на лето оставался только один человек — Одинец, наставник «зимних волков», их глава и жрец, и, как говорили, оборотень.

Когда все поели, каждый старательно собрал крошки со стола и все вместе повалили во двор. С ясного неба глядели звезды. Дед Суroveň прикрикнул на молодежь, и все угомонились, выстроились кругом и замерли, глядя в небо. Сами предки смотрели вниз глазами звезд. Суroveň вышел и встал в самой середине круга: рослый — Заломичи вообще отличались статью и крепостью сложения, — бородатый, с седыми густыми волосами, словно капь в святилище, знаменующий середину и ось вселенной. Подняв руки к небу, он запрокинул голову. Строгое лицо в беловатом свете звезд и молодого месяца казалось особенно величественным, и каждый видел в нем сейчас не отца, деда или дядьку, а самого Веле-са — повелителя покойных предков, бога Той Стороны и Навьего мира, подателя урожая и всяческих благ.

Вы, боги родные,
Вы, чурь седые,
А придите к нам! —

заговорил он, и от его голоса в сердце каждого словно запели какие-то тайные струны — те самые, которыми душа человека соединяется с духом божества.

Приди к нам, Хотислав, сын Гостимила,
Гостимил, сын Суroveňца,
Суroveň, сын Добромьсла,
Добромьсл, сын Яробуда,
Яробуд, сын Путимера Залома,
И ты, батюшка наш, Залом, сын Зорника,
Пожалуй к нам!

Суroveň говорил долго, перечисляя своих предков и прочих умерших родичей или дедов — тех, кого помнят по именам. Живших так давно, что имена их забылись, называют чурами и приглашают всех разом.